

- Что мы знаем о Лейне?

Что это город у моря, скорее даже город вдоль моря: в длину сорок семь километров (это если считать без пригородов), в ширину — максимум три. Жить далеко от моря в приморском городе нет дураков.

- Что мы знаем о Лейне?

Что там зеркальное небо; впрочем, только над центром и примыкающими к нему городскими пляжами; на окраинах Лейна, над крытым Прибрежным рынком, корабельными доками, районами Козни, Политехнический и Сады небо вполне обычное, днём бирюзовое, тёмно-лиловое, звёздное по ночам. А что созвездия нам незнакомы, так это как раз нормально. Странно было бы ждать, что мы увидим над Лейном нашу Большую Медведицу, Орион или Большого Пса.

- Что мы знаем о Лейне?

Что там хозяйничают два ветра. Тёплый приходит с моря, холодный приходит с гор; по счастливому совпадению морской — весельчак и гуляка, а горец ленив, поэтому зимы в Лей-

не редкие и короткие, две-три недели, да и то не каждый год. Горожане от них в восторге, потому что, во-первых, когда заснеженные крыши и тротуары отражаются в зеркале неба, это очень красиво, а во-вторых, после каждой зимы непременно наступает весна.

- Что мы знаем о Лейне?

Что весной на его площадях и бульварах цветут черешни и сливы, их так много, что даже в море плавают белые и розовые лепестки. Что всякое лето в Лейне кажется вечным, а деревья меняют цвет листьев, не дожидаясь осени, не из насущных соображений и не вследствие каких-то внешних воздействий, а просто для красоты. Что в самые жаркие дни с гор прилетают прозрачные птицы, рыбу они не ловят, гнёзд не вьют, не выводят птенцов, только целыми днями кружат над городом, а в сумерках улетают; существует гипотеза, что прозрачные птицы вместо пищи поглощают солнечные лучи. Местные чайки прозрачных птиц опасаются, не задирают, хотя они в Лейне такие же наглые и бесстрашные, как во всех приморских городах.

- Что мы знаем о Лейне?

Что Лейн — неофициальная (другой им не надо) столица Сообщества Девяноста Иллюзий; на самом деле неточный, плохой перевод. Значение слова „иллюзия” — „нечто кажущееся, следствие искажения восприятия”, и происходит оно от латинского слова „illusio”, то есть обман. А Лейн, как любой другой населённый пункт Сообщества Девяноста Иллюзий, проложенные между ними дороги, текущие реки, озёра, степи, горы, болота, пустыни, моря и леса, — не обман, а действительность, данная в (восхитительных) ощущениях всем своим

жителям и гостям. Однако более точного перевода я подобрать не могу: в нашем языке нет специального слова, обозначающего реальность, родившуюся из наваждения, материю, сгустившуюся из идеи, жизнь, возникшую из мечты.

(Впрочем, мой перевод вполне годится, если вспомнить предположение филологов-латинистов, что в основе слова „illusio” лежит „lucis” — свет.)

- Что мы знаем о Лейне?

Что Сообщество Девяноста Иллюзий занимает пространство, которое вряд ли можно назвать „планетой”, скорее уж „облаком”, если местные жители однажды запустят на орбиту какой-нибудь спутник, на сделанных из космоса фотографиях их мир будет выглядеть примерно как-нибудь так. Но когда живёшь там, особой разницы нет; я имею в виду, что земля под ногами жителей Лейна так же тверда, как под нашими, солнечный свет так же ярок, тени прохладны, и воздух, насыщенный кислородом или его аналогом, для дыхания совершенно необходим. А если хочешь попасть из Лейна, к примеру, в Адани, покупаешь билет на поезд и сутки трясешься в купе, до Шамхума — арендуешь машину или ловишь попутку, другого сообщения с ним пока нет, а тот, кому надо в Мэй-Арован, садится на пароход и дней через восемь, если не десять, сходит на берег, путь неблизкий, это Второй Континент Алали (Первый Континент называется Нарн, а есть ещё Третий — Шри). Самолётом можно добраться гораздо быстрее, но пассажирская авиация здесь пока не особо развита, не потому что техника не позволяет, просто на авиацию спрос невелик; в Сообщество Девяноста Иллюзий входят очень разные страны и города-государства, их жителям иногда бывает трудно понять друг друга, но в этом вопросе как сговорились: всем нравится неспешно путешест-

воватъ по землѣ. Поэтому развитіемъ авіаціи занимаются немногочисленные любители, а деловые люди, когда ужъ очень торопятся, обращаются за помощьюъ къ нимъ.

(Штука, конечно, ещё и в томъ, что, когда живёшь в мирѣ, порождённомъ иллюзіей, вполне обычное дѣло заснуть в одномъ мѣстѣ, а проснуться в другомъ. Это не то чтобы повседневная норма, но с каждымъ можетъ произойти; с кемъ-то такое случается почти ежегодно, с кемъ-то всего пару разъ за всю жизнь и считается счастливымъ событіемъ, даже когда происходитъ нехстатъ — наканунѣ защиты диплома, или передъ важнымъ свиданіемъ, или гости приехали, или просто надо срочно закончить рабочий проектъ. Ничего, телефонная связь между всеми городами Сообщества давно налажена, отовсюду можно своимъ позвонить, окружающіе относятся с пониманіемъ, не сердятся, помогаютъ с обратнымъ билетомъ, переносятъ дэдлайны и даты мероприятий, спокойно ждут.)

- Что мы знаемъ о Лейнѣ?

Что изъ всехъ городовъ, входящихъ в Сообщество Девяноста Иллюзій, онъ имеетъ самый высокій коэффициентъ достоверности: сто сорокъ три. Это значитъ, что сто сорокъ три живыхъ существа изъ разныхъ реальностей и мировъ в разное время видѣли Лейнъ в своихъ грѣзахъ, или его сочиняли, или даже пытались его сотворить (неудачно пытались — в томъ смыслѣ, что поодиночке ни у кого изъ нихъ не получилось, но ничьи усилія не пропали напрасно, в итоге каждый сдѣлалъ свой вкладъ в то, чтобы Лейнъ однажды осуществился, и длился, и какъ бы всегда такъ и былъ).

Сто сорокъ три это очень много. Скажемъ, Грас-Канъ пока имеетъ коэффициентъ достоверности одиннадцать, и ничего, стоитъ, какъ скала; собственно, онъ и есть город-скала, прекрасный, какъ сонъ подгулявшаго декоратора, возжеленная цельъ всехъ

любителей путешествий, для многих недостижимая, потому что прыгает с места на место, в смысле, хаотически перемещается по всему Третьему Континенту Шри, никакие карты не помогают, только страсть и удача, но если уж ты приехал в Грас-Кан, там всё будет нормально, я имею в виду, Грас-Кан не галлюцинация и не мираж, под ногами твёрдая почва, еда насыщает, вино опьяняет, вокруг примерно такие же люди, как дома, обычная повседневная жизнь. Всем понятно, что нестабильность положения Грас-Кана в пространстве — временное явление, всё-таки коэффициент достоверности одиннадцать для воплощения очень мал; ничего страшного, Грас-Кан ещё не раз кому-то приснится, привидится, может быть, о нём снимут мультфильм или напишут роман, короче, однажды коэффициент достоверности возрастет до тридцати-сорока и метания прекратятся, а пока хорошо и так.

Но речь сейчас не о Грас-Кане, а о Лейне, чей коэффициент достоверности так высок, что на нём здесь в каком-то смысле всё держится, как карусель на столбе. Каждая из девяноста иллюзий Сообщества — самодостаточное явление, но цельность, связность этого мира всё-таки началась с него.

- Что мы знаем о Лейне?

Что воздух там солон и сладок, тьма веселит, солнечный свет исцеляет, а жизнь даже в горе легка.

- Что мы знаем о Лейне?

Что мы о Лейне ничего знать не можем, потому что с нашей точки зрения нет никакого Лейна. (Но в Лейне знают о нас.)

ЛЕЙН,
Весна 1-го года Этера

Дилани Ана сперва заперла за собой дверь и только потом запела; то ли это означало высокую степень конфиденциальности предстоящей беседы, то ли просто было проявлением милосердия по отношению к дежурному секретарю, Тэко Машши не успел разобраться, потому что его зацепила — не сама незнакомая песня, а её интонация, настроение, может быть, какое-то необычное чередование гласных с согласными; ладно, будем считать, её метасмысл.

— This is the end, beautiful friend*, — пела Дилани Ана; строго говоря, это не называется «петь», это называется «выкрикивать, подвывая»; при всём уважении к Дилани Ане, вокал не самая сильная её сторона. — This is the end, my only friend!

На этом месте она пустила такого душераздирающего петуха, что даже Тэко Машши перекосило, хотя

* На всякий случай (вдруг это читают дети) имеет смысл пояснить, что здесь и далее фрагменты текста песни «The End» американской культовой рок-группы The Doors.

он никогда не слышал оригинала в нормальном исполнении, и в ненормальном тоже не слышал, прекрасно, между прочим, без него обходился, невозможно знать всё. У Тэко Машши другая специализация, он когда-то начал свою карьеру в издательском бизнесе как первый переводчик с каорги, это группа языков цивилизации Хойна, художественная литература там появилась недавно, и произведения, потенциально интересные хотя бы относительно широкому кругу читателей, по пальцам пересчитать. Из чего можно сделать два вывода: Тэко Машши лёгких путей не ищет, и он не знаток англоязычной поэзии, тем более не любитель рок-музыки цивилизации ТХ-19, хотя, безусловно, глубоко уважает это потустороннее культурное явление — по умолчанию, не вникая, просто потому что живые, возможно даже разумные существа его создавали, старались, значит, хоть кто-то должен теперь этот ужас глубоко уважать.

— Я не знаю языков ТХ-19, кроме французского, который взял на шестом, что ли, курсе специально для прохождения обязательной практики, — на всякий случай напомнил он. — Но чувствую, что в тексте, который ты декламируешь, содержится сообщение о проблеме. Объясни человеческими словами, что не так?

— Ой, да! — горячо подтвердила Дилани Ана. — Ещё о какой проблеме! Знал бы ты, какой там дальше текст! Father, I want to kill you, mother, I want to fuck you...

— Что-что?

На самом деле Тэко Машши не особенно интересно, но, когда в твоём присутствии цитируют фрагмен-

ты потусторонней лирики, невежливо не спросить перевод.

— Тебе такой ужас не надо, — рассмеялась Дилани Ана. — Забей! Главное, что у нас с тобой нет таких проблем. И вообще никаких... почти. Только одна, совсем небольшая. Кадровая. Довольно легко решаемая. Прости, дорогой, я желаю закрыть контракт.

Тэко Машши, четвёртый (не по рангу, а просто по счёту, до него директоров было три) глава издательского дома Сэ́ндэ («нь» здесь означает немой, то есть неразличаемый органами слуха звук, в момент произнесения которого у говорящего и слушателей всё внутри останавливается — биение сердца, ток крови, дыхание, мысли — только на долю секунды, так что сознание не успевает зафиксировать этот сбой, а треугольнику соответствует сильный и звучный выдох. Теоретически, можно было бы достаточно точно транслитерировать название издательства как «Сэ-ххэ», а не выпендриваться с диковинными закорючками, но я-то как раз люблю выпендриваться и закорюки, и чёрт его знает, когда ещё представится повод рассказать про странный беззвучный запинкузвук), — так вот, Тэко Машши совершенно не удивился. Он свои кадры знает и давно чего-то подобного ждал. Дилани Ана и так занимала должность руководителя отдела переводов ТХ-19 целых четырнадцать лет. То есть Тэко Машши с большим удовольствием оставил бы её ещё хоть на восемьдесят, но «хотеть» не означает «твёрдо рассчитывать», особенно если ты — не мечтатель, а реалист. Тэко Машши прекрасно

помнит, как спрашивал Дилани Ану прежде, чем утвердить её назначение: «Ты уверена, что хотя бы пять лет у нас проработаешь?» — и как она долго думала прежде, чем ответить «да». А плюс ещё девять лет к твёрдо обещанным пяти — это подарок. Чудо на самом деле, что Дилани Ана только теперь собралась уходить. Ловцы книг, как музыканты, бывшими не бывают. На одном месте долго сидеть не могут, каким мёдом это место им ни намажь.

— Ладно, Кай Лара, наверное, справится, — наконец сказал Тэко Машши. — Как думаешь?

— Да естественно справится. Я весь последний год на неё понемногу перекладывала дела.

— Я заметил.

— Ещё бы ты не заметил.

— Ну да, — кивнул Тэко Машши и отвернулся к окну, за которым вот прямо сейчас не происходило ничего особенно интересного. Только чайки носились с воплями и сливы на бульваре Приключений цвели.

Наконец он сказал:

— Знаешь, я наверное даже рад.

— Что, так достала? — расхохоталась Дилани Ана.

— Ай, да ну тебя. Чем ты меня, интересно, могла достать? Твой отдел сейчас приносит издательству примерно треть от всего дохода. До тебя была пятая часть, и мне казалось, что лучше работать уже невозможно, но ты показала класс. Просто я от многих слышал, что для опытного Ловца навсегда уйти в другую профессию — катастрофа. Поэтому рад за тебя.

— Да прям-таки катастрофа, — отмахнулась Дилани Ана. — Все люди разные. Для кого как. Мне было

нормально. Мне надоела ТХ-19, меня не тянуло туда. Книг с головой хватало, прочитаешь очередную и вздрогнешь: мама дорогая, что за долбаный морок! А я там живьём, целиком столько раз была! Собственно, меня и сейчас туда не то чтобы тянет. Я их совсем разлюбила. Всё, кроме книг и музыки, но книги-то мне оттуда приносят пачками. А коллекция дисков дома лежит.

— Ничего не понимаю, — вздохнул Тэко Машши. — А почему ты тогда закрываешь контракт? Просто устала работать? Так это иначе решается. Отпуск возьми. Хоть на год!

— Не устала. Другое. Я тебе уже говорила, мне не нравятся книги, которые нам из ТХ-19 в последние годы несут.

— Так мне они тоже не нравятся, — с энтузиазмом подтвердил Тэко Машши. — И никогда не нравились! Потому что я странный, как ты сама говоришь. Но объективно, художественная литература реальности ТХ-19 — лучшее, что у нас есть. Интересна читателям, захватывает внимание, даёт толчок для развития и полноценно питает сны. Плюс приносит огромный доход издательству, но это просто приятное дополнение, уж настолько ты меня знаешь, на чём попало зарабатывать я бы не стал.

— Да, — нетерпеливо согласилась Дилани Ана. — Но дело не в том, что у меня изменился вкус. Не изменился! Мне что-то другое в тамошних книгах не нравится. Неуловимое. Горечь пробелов между словами? Тяжесть точек? Смятение теней их авторов? То, о чём все они хором молчат? Не могу сформулировать.

Не понимаю! И хочу разобраться. Кто-то должен, а больше никому. Ловцы ничего такого не чувствуют, но это как раз нормально, они проводят там слишком много времени. Некоторые, прикинь, говорят, прощаясь в конце вечеринки: «Всё, пока, я завтра домой». Переводчики тоже не чувствуют, но среди моих переводчиков нет ни одного мало-мальски опытного Ловца. В лучшем случае когда-то неудачно попробовали и бросили, а есть такие, кто даже не начинал. А я как раз опытная. Знаю контекст. И при этом достаточно долго не была в ТХ-19, чтобы стать там чужой. Смогу сохранять дистанцию, хотя бы первое время. У меня будет ясный и трезвый взгляд.

— Не сомневаюсь, таким он и будет, — сказал Тэко Машши. Чтобы силой своего слова дополнительно утвердить это предположение, а не просто поддержать разговор.

— Спасибо, дорогой. Надеюсь, на месте я пойму, чем мне их последние книжки не угодили. Может, я просто так реагирую на какие-нибудь новомодные тенденции? Консервативной отродясь не была, но мало ли. Всё бывает. Вдруг моя усталость проявляется так? Или Ловцы дружно потеряли нюх и тащат сюда что попало? Кстати, скорее всего, так и есть; но тогда тем более надо изучить ситуацию. Из чего они выбирают? Иными словами, что они нам не приносят, потому что не обратили внимания? Может, это самое крутое сейчас и есть? И, исходя из этого, иначе ставить задачу. В последний раз основные критерии отбора формулировались, страшно даже подумать, лет шестьдесят, если не больше назад. Короче, если так, всё нормально,